

А Г Кузьмин

Откуда есть пошла Русская земля - Века VI-X (Книга 2)

Кузьмин А Г

Откуда есть пошла Русская земля - Века VI-X (Книга 2)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Откуда есть пошла Русская земля. Века VI-X. Кн. 2.

"Откуда Русская земля стала есть?" Именно этими словами древнейший летописец определил важнейший в его понимании рубеж: устройство Русской земли, создание Древнерусского государства на Днепре.

Со школьной скамьи в нашем сознании откладывается противоречивый образ "государства". Мы помним, что государство - это "машина угнетения", что оно инструмент в руках господствующего класса, и народу постоянно приходится воевать за то, что у него некогда было и утратилось с его возникновением: свободу, равенство. Но обычно одновременно с государством складывается и народность, народ как таковой. Наши симпатии всегда на стороне народа, борющегося за свои права в рамках государства, и мы неизменно солидарны с ним, когда он, защищая это государство, борется с каким-нибудь иноземным вторжением.

Главное противоречие нашего сознания проистекает из того, что мы часто незаметно для себя производим подмену: государство как обособившуюся от общества власть смешиваем с государством как территорией, объединяющей народ, с тем, что истари составляет Отечество. В современных учебниках по теории государства и права справедливо указывается на многозначность понятия: государство - это и организация власти и управления, и объединение населения, проживающего на определенной территории (то есть народ и его Отечество), и форма организации самого общества.

Ответы практически на все недоумения можно найти в работе Маркса "К критике гегелевской философии права" (1843). Подобно тому, как в "Тезисах о Фейербахе" Маркс подчеркнул диалектическое понимание сути человека и общества в противовес метафизическому, в этой работе он идеалистическую гегелевскую диалектику поставил на материалистическую основу. Гегель, противопоставив "гражданское общество" и "государство", приписал последнему роль творца всего разумного в действительности, создателя самого общества и личности, которая свое полноценное выражение может получить только в государстве.

Последняя мысль сама по себе плодотворна. Поскольку сущность человека, по определению Маркса, есть "совокупность общественных отношений", личность не может до конца раскрыться и выразиться в рамках узкого мирка, самодовлеющей общины. Но обогащается она лишь вместе с обществом, как его составная часть. Маркс показывает, что Гегель само понятие "государство" ограничивает системой организации власти, независимой от общества, родившейся из идеи "общего интереса" и стремящейся к воплощению этого интереса. Как заметит позднее Энгельс, "отправляясь от гегелевской философии права, Маркс пришел к убеждению, что не государство, изображаемое Гегелем "венцом всего здания", а, напротив, "гражданское общество", к которому Гегель относился с таким пренебрежением, является той областью, в которой следует искать ключ к пониманию процесса исторического развития человечества" (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 378-379). Это, так сказать, в плане общей материалистической посылки. Кроме того, Маркс показывает, что и суть государства Гегель понимает неверно, поскольку он форму принимает за содержание, надстройку, паразитирующую на общем интересе, представляет как воплощение общего интереса, смешивая таким образом действительный государственный интерес с мнимым, придуманным в бюрократических ведомствах. Маркс последовательно

отличает государство как выражение общественной потребности, "неполитическое", "действительное" государство от "мнимого", "внешнего" по отношению к обществу "политического государства".

Маркс указывает на постоянные противоречия у Гегеля, когда он пытается доказать, что это мнимое государство по своей инициативе приносит в гражданское общество "всеобщий государственный интерес и законность", как бы подтягивая аморфное общество до своего уровня. Следует же из аргументов Гегеля лишь то, что "государство имеет пребывание не внутри гражданского общества, а вне его". В итоге оказывается, что "тождество, сконструированное Гегелем между гражданским обществом и государством, есть тождество д в у х в р а ж д е б н ы х а р м и й, где каждый солдат имеет "возможность" путем "дезертирства" стать членом "враждебной" армии" (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 275, 276).

Поскольку "гражданское общество" - действительное, "неполитическое государство" - противостоит "внешнему", политическому", их взаимоотношения неизбежно носят характер борьбы и "взаимного приспособления". Они должны в конце концов слиться. Но это, по Марксу, может произойти только в демократии, не в республике - подчеркивает Маркс, а именно в демократии, каковая осуществима лишь при условии ликвидации всех и всяких привилегий, то есть при социализме. В классовом же обществе "внешнее государство" никогда не соединяется с действительным общественным интересом, а потому и необходимо их различать.

В работе "Гражданская война во Франции" (1871 г.) Маркс оценивает и конкретный путь преодоления отчужденности власти от общества. "Единство нации, - спорит он с буржуазными хулителями Коммуны, - подлежало не уничтожению, а, напротив, организации посредством коммунального устройства. Единство нации должно было стать действительностью посредством уничтожения той государственной власти, которая выдавала себя за воплощение этого единства, но хотела быть независимой от нации, над нею стоящей. На деле эта государственная власть была лишь паразитическим наростом на теле нации. Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества" (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 344). Позднее Ленин в знаменитой "синей тетради" ("Государство и революция") задержится на этих соображениях Маркса как на исключительно важных и конструктивных (Ленин В. И. ПСС, т. 33, с. 51-54). Работа 1843 года тогда еще не была известна, и можно лишь удивляться, насколько точно Ленин чувствовал Маркса, защищая его мысль от искажений со стороны немецких социал-демократов, видевших лишь федеративность в качестве альтернативы централизации и не улавливавших разницы между единством реальным и мнимым.

Известен довольно циничный афоризм Николая I: "Русские дворяне служат государству, а немецкие - нам". Император в данном случае сам указал на пропасть, отделяющую государство - Отечество от того, что чаще всего кажется воплощением его. С такого рода дуализмом понятия государства необходимо считаться при рассмотрении конкретных исторических событий, в частности, обращаясь к эпохе возникновения государства и народности. Всегда есть опасность пороки внешней власти возложить на народ, а сами эти пороки оправдывать высшими целями, понимание которых недоступно простым смертным.

Поскольку в классово-антагонистическом обществе постоянно идет "взаимное приспособление" действительного и мнимого государства, форм приспособления может быть бесчисленное множество. Государственный аппарат, как правило, является политической организацией господствующего класса, его орудием. Однако полностью отождествить их нельзя. Власть всегда в той или иной степени и независима. Она может опираться и на более широкие социальные слои, и даже оторваться от породившего ее класса. К тому же и самые реакционные режимы способны выполнять в чем-то

конструктивную роль, поддерживая, скажем, порядок на улицах, борясь с разбоями и т. п. Оценить истинное значение внешней власти давнего прошлого нелегко и потому, что правители, оторвавшиеся от народа, чаще и шире прибегали к социальной демагогии, нежели должностные лица, непосредственно выдвинутые обществом и подотчетные ему.

Происхождению государства посвящено специальное исследование Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства". Работа как бы завершала многолетнюю полемику с идеалистическими и идеализированными представлениями о государстве. Особое внимание при этом уделялось критике взгляда на государственный аппарат классового общества как на надклассовый инструмент, создающий гармонию в обществе. Поэтому в выводах заострена мысль о том, что "государство никоим образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу" (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 169). Этот вывод также направлен в первую очередь против гегелевского понимания роли государства как воплощения "нравственной идеи" и "разума". Но мысль эта в нашей литературе иногда понимается упрощенно, будто государства вообще не могут возникать в результате завоеваний, а разницы между "реальным" и "мнимым" государством вроде бы и не существует вовсе. Именно таким путем некоторые авторы надеялись "закрыть" спор норманистов и антинорманистов.

На самом деле у Энгельса нет расхождений с выводами Маркса. У него лишь берется несколько иной аспект. Внимание его сосредоточено не на взаимоотношении "гражданского общества" и "государства", то есть реального и мнимого государства, а на путях обособления внешнего государства от общества. Он ни в коей мере не идеализирует тот механизм, который Гегель определял как "государство". "И что за чудесная организация этот родовой строй во всей его наивности и простоте! - как бы спорит он с поклонниками такого механизма. - Без солдат, жандармов и полицейских, без дворян, королей, наместников, префектов или судей, без тюрем, без судебных процессов - все идет своим установленным порядком" (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 97). Он подчеркивает, что общество допустило создание государства как вставшего над ним механизма только потому, что запуталось в собственных противоречиях. Общество, поглощенное внутриусобной борьбой, легко становится добычей "третьей силы", как определяет государственную машину Энгельс. Он иронизирует по поводу положения, сложившегося в "Германской империи бисмарковской нации", где "поддерживается равновесие между капиталистами и рабочими, противостоящими друг другу, и они подвергаются одинаковому надувательству в интересах оскудевшего прусского захолустного юнкерства" (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 172). Это тоже одна из форм "взаимного приспособления".

Примерно в этом же направлении Ленин резко критиковал некоторых теоретиков и публицистов социал-демократов, сводивших марксизм к вульгарному социологизму. "Классовый характер царской монархии, - писал он в 1911 году, - нисколько не устраняет громадной независимости и самостоятельности царской власти и "бюрократии", от Николая II до любого урядника". "Забвение громадной самостоятельности и независимости "бюрократии", - но Ленину, - есть главная, коренная и роковая ошибка" М. Ольминского, напрямую связывавшего чиновничий аппарат с верхушкой буржуазии (Ленин В. И. Соч., т. 21, с. 32, 58).

"Внешнее" государство возникает с зарождением частной собственности и делением общества на классы. Это в самой общей форме. Пути же к этому вели разные. Разными были и результаты.

Энгельс рассмотрел три формы происхождения государства у разных народов Европы. В Афинах оно "возникает непосредственно и преимущественно из классовых противоположностей, развивающихся внутри самого родового общества. В Риме родовое общество превращается в замкнутую аристократию, окруженную многочисленным, стоящим вне этого общества, бесправным, но несущим обязанности плебсом; победа плебса взрывает старый родовой строй, и на его развалинах воздвигает государство, в котором скоро совершенно растворяются и родовая аристократия, и плебс. Наконец, у германских

победителей Римской империи государство возникает как непосредственный результат завоевания обширных чужих территорий, для господства над которыми родовой строй не дает никаких средств" (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 169).

Речь идет, разумеется, только о главных формах. Скажем, в тех же Афинах классовые противоположности играли "преимущественную" роль, но были и иные, как внутренние, так и внешние причины, которые не сводятся к "классовым". "Римский" путь - обособление отдельных "аристократических" родов, возвышения их над другими - также найдет много аналогий. Примерно такой была организация многих варварских государств в Европе, в том числе и тех, что возникли в результате завоевания "обширных территорий".

Историческая роль отдельных государств существенно различна. В целом возникновение классов рассматривается как неизбежный и прогрессивный процесс, поскольку при этом углубляется общественное разделение труда. "Только рабство, - говорит Энгельс, - сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира - для греческой культуры. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и греческой науки; без рабства не было бы и Римской империи. А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 185).

Разумеется, прогресс связан не с рабством, а именно с разделением труда. И конечно, борьба рабов за свою свободу, борьба племен против порабощения является вневременным правом угнетенных. Государство выполняет прогрессивную роль, закрепляя разделение труда на значительной территории. Но учет всего положительного и отрицательного, привносимого государственной машиной, дает очень широкий спектр вариантов от весьма прогрессивного до более чем реакционного. Обычно государство выполняет прогрессивную роль, пока господствующий класс способствует росту производства, росту материальных и духовных благ общества. Государство периода восхождения формации в отдельных случаях способно подниматься и до решения задач, представляющих выгоды широкому кругу подданных. Напротив, в периоды кризиса формации, в периоды, когда существующий способ производства становится тормозом для развития производительных сил, созидательные функции государства отступают на задний план, подчиняясь функции удержания господства эксплуататорского меньшинства над основной массой тружеников.

Различия в путях возникновения государств влияли и на формы их дальнейшего существования, степень прочности и устойчивости. Многие как раз зависело от того, насколько власть была отдалена от общества.

Как правило, государства, возникающие в результате завоевания, и поддерживаются прямым насилием, а противоречия между властью и народом носят не только социальный, но также и этнический характер, характер межплеменной вражды и антагонизма. Это не означает, однако, что в обществах этнически однородных царит мир. Нередко собственная обособляющаяся знать не менее хищна, чем извне пришедший грабитель. Энгельс предусматривает и такое состояние, когда обществу грозит полное разрушение в результате междоусобной борьбы, и такое, когда государство стремится поглотить, просто подавить общество.

Из сказанного вытекает, что мало определить время возникновения какого-то государства. Не менее важно уяснить, что именно оно в тот или иной момент представляло, несло ли оно преимущества, или, напротив, возрастающие трудности для общественного развития. Поэтому, естественно, не может быть отброшена как несущественная норманистская или антинорманистская альтернатива: то или иное решение - это и понимание конкретных условий и особенностей возникновения государственности, и прояснение многих последующих тенденций и традиций.

Оценивая условия возникновения Древнерусского государства, необходимо учитывать и еще одно обстоятельство. Известно, что главной ячейкой первоначальной организации в родовом обществе является род и большая семья. Им на смену приходит территориальная

община. Территориальное деление Энгельс рассматривает в качестве одного из признаков государства, а сам переход к такой организации общества, как правило, вызывает к жизни те или иные ранние государственные формы.

Таковы общие закономерности. В реальной же действительности оба типа общины могли сосуществовать, как и было в I тысячелетии нашей эры. Известный советский лингвист О. Н. Трубачев обратил внимание на такой факт: германские племена часто носят названия по происхождению, тогда как кельты и славяне - по территории (поморяне, висляне, поляне, древляне и т. п.), что указывает на торжество у них территориального принципа перед кровнородственным.

От чего зависело преобладание тех или иных форм общины? Причин, по всей вероятности, было много. Но на одну закономерность можно обратить внимание. Как правило, у племен, занятых оседлым земледелием, территориальная община вытесняет кровнородственную раньше, чем у скотоводческих, кочевнических. Очевидно, тип хозяйства имеет в этом случае первостепенное значение. При достижении определенного уровня развития "малая семья", то есть семья, состоящая из родителей и детей - всего двух поколений, в состоянии обеспечить необходимый жизненный уровень.

Другая причина расхождений - различные формы брака. У славян и некоторых других племен Европы было многоженство (2-4 жены). У римлян, части германцев (но не у всех) - моногамия и покупной брак: за невесту полагалось вносить выкуп (как это и позднее сохранялось у многих восточных народов). Естественно, что родственные чувства слабее у тех народов, где сохранялось многоженство. А в областях оседлого земледелия такая семья фактически распадалась на ряд самостоятельных. В Киеве археологи обратили внимание на обычно по соседству расположенные группки из трех-четырёх жилищ, в которых и могли размещаться по существу самостоятельные семьи, имеющие одного отца, но разных матерей.

Многоженство у земледельческих племен было иным, нежели у кочевых народов. Оно могло и не означать права собственности. Примечательно, что положение женщины у племен, державшихся моногамии, было менее свободным, чем, скажем, у славян. "Покупной брак" превращал женщину в собственность мужчины, рода, причем она обычно не имела права наследования имущества мужа.

Третья причина расхождений - традиции. Складываются они исторически, но в условиях древних обществ часто принимают религиозную окраску и переживают на много поколений обстоятельства, некогда вызвавшие их к жизни. Так, на севере Европы, на побережье Северного и Балтийского морей долго будут соблюдаться обычаи, напоминающие степь. Здесь будет наиболее прочно держаться "покупной брак", старинный индоевропейский счет родства "до седьмого колена", культ рода вообще, выливающийся в бесконечный ряд поколений предков, а также культ коня, более всего распространенный у венедов и родственных им племен. Коней часто держали там, где они не играли никакой хозяйственной роли. Такова, в частности, была священная конюшня из 300 лошадей в городе Арконе на острове Рюген. Живых коней венеды (позднее славяне-венеды) затаскивали на морские суда, веря, что они принесут им победу.

Разные типы общины в большой степени определяют и пути образования государств. У племен с сильными пережитками кровнородственных отношений расслоение идет и внутри родов, и между ними. Это примерно то, что Энгельс определил как "римский" вариант. В самых последних работах показано, что именно этот путь является преобладающим и для стран Африки и Азии, причем обычно он соединяется и с третьим путем: завоеваниями.

Выделение ряда племен и родов, установление их своеобразной субординации четко прослеживается в бурную эпоху великого переселения народов. Готы, например, разделились на восточных и западных (остготы и вестготы) из-за соперничества родов амалов и балтов, каждый из которых претендовал на первенство. В итоге вестготы, признавшие притязания балтов, ушли на запад в Галлию и далее в Испанию, где пытались встать над иноязычными местными племенами и пародами. Упомянутый выше историк

готов Иордан более всего возвышал амалов, которые неизменно кичились своими реальными или мнимыми заслугами. Но для того чтобы добиться покорности или признания со стороны "незнатных" соплеменников, их надо было чем-то заинтересовать. Простая попытка подчинения большинства меньшинству привела к тому, что это большинство отделилось от претендентов на господство и осталось на Нижнем Дунае, занимаясь мирным пастушеством. Позднее Теодориху удалось увлечь в поход на Одоакра, правившего в Северной Италии, до двухсот тысяч человек. А через несколько десятилетий их осталось лишь несколько тысяч. Остальные, разочарованные, разбрелись кто куда. "Взаимное приспособление" попросту не состоялось.

Корпоративные притязания отдельных родов отличают практически все королевства, возникшие в результате великого переселения: Вандало-аланское в Северной Африке, государства вестготов в Испании, лангобардов в Северной Италии, бургундов, свевов, рассеянных по разным областям Европы. В Баварской правде VIII века прямо записаны роды ("генеалогии"), которым отдается предпочтение перед остальными. В это время Бавария утратила статус королевства, войдя в состав Франкского государства как герцогство. Согласно Правде "герцог, который стоит над народом, всегда был из рода Агилольфингов и должен быть, потому что относительно их так решили короли, наши предки". Следующими после Агилольфингов Правда выделяет пять родов: Хози, Драоци, Фаганы, Хахилинги, Анионы, являющиеся "как бы первыми после Агилольфингов". Этим пяти родам положено было оказывать "двойной почет" по сравнению с остальными.

История оставила нам для размышления весьма любопытные факты: с этнографической карты быстрее всего исчезали племена, отдельные роды которых претендовали на особенно глубокую родословную и "знатное" происхождение. Так исчезли готы, вандалы, лангобарды, бургунды и многие другие племена, чья слава гремела в сказаниях эпохи великого переселения. "Знатные" фамилии, придавая вроде бы первостепенное значение происхождению, на самом деле отдалялись от своих сородичей вплоть до полного с ними разрыва. Зато из таких вот оторвавшихся от соплеменников аристократических семей уже в раннее средневековье складывается "голубой интернационал". В рамках этого "интернационала" тоже идет борьба за место в иерархии. "Отдельные индивиды, - замечают Маркс и Энгельс, - образуют класс лишь постольку, поскольку им приходится вести общую борьбу против какого-нибудь другого класса; в остальных отношениях они сами враждебно противостоят друг другу в качестве конкурентов" (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 54). Феодалные усобицы и рыцарские турниры - в известном смысле однопорядковые явления. Должности и титулы каждого должны быть признаны конкурентами. Но такое признание оказывается важнее признания собственных народов, и, скажем, браки заключаются лишь в пределах своего социального круга независимо от языка и даже религиозной принадлежности, обычно более важной для той эпохи.

На землях, охваченных территориальными общинами, государство возникает несколько иным путем. В рамках такой общины нет культа рода и племени. В ее состав легко принимаются выходцы из других племен. Управление здесь в большей степени связано с хозяйственными задачами, значительнее влияние выборных должностных лиц на дела всех членов общины. Расслоение в конечном счете возобладает и здесь: город поднимается над сельской округой, в нем выделяется привилегированный центр и т. п. Но территориальная община как форма организации прочнее, нежели род. Она способна дольше отстаивать права своих членов перед наступлением внешней власти.

У славян господствовала территориальная община. Исключения обычно предполагали сохранение неславянских традиций у ассимилированного населения. У германцев такого единообразия нет, по различия в социальной организации также могут связываться с заимствованиями в ходе переселений. Ближе всех к славянам находились франки. Как и у славян, у них не было глубоких генеалогий, и им не придавалось большого значения. Лишь на первых порах после завоеваний франки пользовались преимуществами по сравнению с римлянами. С созданием же империи Карла Великого племя и вовсе было оттеснено от

ключевых должностей в аппарате власти. Уже "Салическая правда" при Меровингах выделяет этнически безликую, но привилегированную корпорацию антрустионов, защищенных самым высоким вергельдом (штрафом за убийство) - 1800 солидов и вместе с тем лишенных права возбуждать тяжбы друг против друга. Как заметит Валентин Иванов, отрывающаяся от общества власть более всего боится именно своего народа, а потому стремится опереться на иноплеменников.

Византийские авторы VI века многого не могли понять в быте славян. Славянская демократия казалась им неуправляемой стихией. И тут же приходилось удивляться, как скоро славяне овладевали военным искусством греков и одерживали победы в сражениях многотысячных отрядов. Можно указать и на еще одну особенность: завоевав практически весь Балканский полуостров, славяне нигде не устанавливали господства над завоеванными и даже рабов, по истечении определенного срока, либо отпускают на свободу, либо оставляют у себя в качестве равноправных членов общины. У славян, следовательно, была организация, обеспечивавшая успех на полях сражений с лучшим войском тогдашнего мира, но не способная стать внешней, господствующей властью по отношению к завоеванным территориям. Что же это за организация?

В некоторых художественных произведениях народное собрание изображается дикой полупьяной массой. Представление это глубоко ошибочно и питается оно мнением, будто "порядок" приносит только внешняя власть. В действительности в общине "порядок" поддерживается значительно строже, так как к общим делам привлечены все ее члены, причем каждому определено его место. Круг лиц, которым разрешалось выступать на собрании, был невелик. Обычно таким правом пользовался жрец, песнотворец - хранитель памяти племени, а также должностное лицо, осуществляющее суд и следящее за сохранением обычая. Кто-то из старейшин обычно вел собрание, и только через них можно было просить слова рядовому соплеменнику. Глашатай в таких случаях обращался к собранию, которое и решало: давать или не давать слово.

Мысль Гегеля о том, что личность может найти полное воплощение лишь в рамках государства, в принципе правильна. Но заинтересованность личности в делах ближних и дальних далеко не одинакова. Хозяйственные потребности сельской общины ограничивались в основном пределами волости, в рамках которой надо было поделить сенокосы, леса, промысловые угодья. На более обширных территориях общий интерес затрагивал лишь отдельные сферы: обмен, "игрища между селами" во время праздников и в пору свадеб, поклонение общим богам, отношение с иными племенами. В зависимости от действительных потребностей и строилась снизу вверх иерархия управления.

Письменная история застаёт славян с четко действующей организацией управления. Б. А. Рыбаков обратил внимание на то, что к IX веку славянские "племена", "земли", "княжения" занимали огромные территории, превышавшие земли большинства европейских королевств. В сущности, это были государства афинского типа. Во всех них существовала уже обособившаяся от общества, но еще не оторвавшаяся от него окончательно княжеская власть.

Повесть временных лет сохранила некоторые данные об организации управления в древлянской земле. Во главе стоит князь, и княжеская власть является здесь давней, традиционной. Во всяком случае, древлянские послы, пришедшие к Ольге, противопоставляют "добрых" древлянских князей "русскому" князю Игорю как правителей, озабоченных не просто сбором дани, а и процветанием земли. Древляне возделывают нивы, пасут стада, а "держат землю", то есть управляют ею, "лучшие люди", которые, однако, за подтверждением прав должны обращаться к "земле". В конечном счете именно "земля" и направляет их в качестве послов к Ольге. У древлян есть города, управляемые старейшинами. Такие города обычно служили административными центрами племен и местом укрытия окрестного сельского населения в случае внешней опасности. Поначалу добровольно, а затем и по принуждению сельская округа обеспечивала город необходимыми продуктами и участвовала в строительстве оборонительных сооружений.

Сведения о Киеве конца X века уточняют типичную картину. Население города и, видимо, также и сельской округи делилось на десятки, сотни, иногда также полусотни и полутысячи. В городе вершиной такой администрации был тысяцкий. Но существовал здесь и совет старейшин - "старцы градские", которые осуществляли руководство народным собранием - вече, а также следили за выполнением принятых решений.

Древняя Русь была государством изначально многоэтническим, а потому неизбежно в рамках его сочетались разные формы управления. Славянская форма была наиболее распространенной и устойчивой, и она в конечном счете просматривается позднее в условиях феодальной раздробленности. У балтов и угро-финнов складывается подобная же форма, причем в значительной степени это, видимо, было следствием славянского влияния. Дело в том, что у тех и других еще не был четко отлажен племенной уровень организации, а разрозненные местные общины (территориальные или родовые) включались в систему, привносимую славянскими колонистами, и скоро ассимилировались.

На юге Руси ассимилировались остатки ираноязычных племен. Это население издавна имело довольно развитые формы организации и долго могло их сохранять. Наибольшее же значение имели русь на юге и варяги на севере Восточной Европы.

Именно вопрос об этнической принадлежности руси и варягов, а также о их роли в создании большого государственного объединения на территории Восточной Европы послужил основанием длительного спора норманистов и антинорманистов, о чем было сказано в предисловии к первой книге. Спор этот всегда имел много оттенков от чисто научных до откровенно политических, спекулятивных. Эти оттенки сохраняются и сейчас. А потому по существу проблемы надо остановиться несколько подробнее.

В летописи, как было сказано, соединены разные представления о начале Руси. Один из древнейших летописцев поставил в начале своего труда три вопроса: "Откуда пошла Русская земля", "кто в Киеве нача первее княжити" и "откуда Русская земля стала есть". Ответ прежде всего на эти вопросы и надо искать в тексте. Он и действительно есть в летописи: русь - это поляне, некогда они, как и другие славяне, вышли из Норика - римской провинции на Правобережье Дуная. Первыми князьями в Киеве были Кий и его братья, после чего "род их" княжил у полян-руси. Летописец не знал точно, когда все это было, хотя до него дошли предания о дунайских походах Кия, о приеме его неким византийским "царем". Не знал он и о том, почему полян стали называть русью. Но он настойчиво подчеркивал, что "поляне, яже ныне зовомая русь" - племя славянское, что вместе с другими славянскими племенами оно получило начала христианства еще в Норике от апостола Павла и т. п.

Другой летописец считал, что русь - это варяги, которые пришли в середине IX века к северо-западным славянским и чудским (угро-финским) племенам и установили господство над ними, а затем спустились вниз по Днепру и обосновались в Киеве, сделав его "матерью городов русских". Судя по "Слову о полку Игореве" и позднейшим славянским хроникам, были и иные версии происхождения Руси и начала Русского государства, по крайней мере, происхождения династии. Но две названные оставались главными, повлиявшими и на позднейшую историографию.

Норманистская концепция зародилась в годы бироновщины (30-е годы XVIII века), когда правящей группировке важно было историческими примерами подкрепить и оправдать свою заведомо антинародную и антигосударственную деятельность. Это была эпоха повсеместного торжества абсолютизма, эпоха, когда верили, что от главы целиком зависит благосостояние государства и подданных, а любой произвол монарха оправдывался его якобы обязательно благими намерениями. Это была эпоха, когда на раздавленный аппарат угнетения народ смотрели как на "не способный" на какую-либо самостоятельность. А начавшееся с развитием буржуазных отношений формирование наций заключалось в "способности" и "неспособности" придавало и этнический характер: одни народы более "способны", другие - менее. Славяне попадали в число последних, германцы, у которых пробуждение национального сознания началось несколько ранее, - в разряд первых.

Откровенная тенденциозность создателей норманской теории З. Байера и Г. Миллера

вызвала резкую отповедь М. В. Ломоносова, доказывавшего, что варяги-русь - выходцы с южного и восточного берегов Балтики, принадлежавшие к славянскому языку. Если учесть, что такое представление было распространено в источниках XV - начала XVIII века, причем не только славянских, то говорить о Ломоносове как о родоначальнике антинорманизма можно лишь условно: по существу, он восстанавливал то, что ранее уже было известно, лишь заостряя факты, либо обойденные, либо произвольно интерпретированные создателями норманно-германской концепции. Спор в это время довольно четко выявлял и позиции: немецкая часть Академии наук и бюрократии держалась норманизма, русские ученые и кое-кто из придворных антинорманизма.

В XIX веке картина станет более сложной. Против норманизма выступит немец Г. Эверс, а одним из столпов норманизма станет выходец из крепостного сословия М. П. Погодин (1800-1875). Правда, его эмоциональные восклицания в защиту норманизма слишком слабо подкреплялись конкретным материалом. Он вообще считал, что "главное, существенное в этом происшествии, относительно к происхождению Русского государства, есть не Новгород, а лицо Рюрика, как родоначальника династии". "Младенец Рюриков, Игорь, - поясняет эту мысль Погодин, - с его дружиною есть единственный ингредиент в составлении государства, тонкая нить, которою она соединяется с последующими происшествиями. Все прочее перешло, не оставив следа. Если бы не было Игоря, то об этом северном новгородском эпизоде почти не пришлось бы, может быть, говорить в русской истории или только мимоходом". Иными словами, норманское участие в сложении государства сводится у Погодина к происхождению государя.

В наше время многие из тех, кто отводит норманнам куда большую роль, кто признает норманской не только династию, но и дружину и вообще социальную верхушку, не считают себя норманистами. Это произошло потому, что вопрос о составе социальной верхушки стал отодвигаться как несущественный, а внимание сосредоточилось на отыскании элементов социального неравенства, которое должно вести к образованию классов и государства.

Спор норманистов и антинорманистов действительно не может теперь восприниматься так, как это было в прошлом столетии. Возможности князя с дружиной вовсе не были столь беспредельными, как это казалось дворянско-буржуазным историкам и социологам. Внутренние законы развития общества в конечном счете преодолевают внешнее воздействие. Но только в конечном счете. А живущее поколение может и не дожидаться торжества исторической закономерности, потому что на пути ее встанет какая-то извне появившаяся сила. Татаро-монгольское иго оказалось петлей, накинутой извне. А оно не только на много столетий задержало естественное развитие народа, но и деформировало весь процесс. Как заметили Маркс и Энгельс, в эпоху феодализма "достаточно простых случайностей, вроде вторжений варварских народов или даже обыкновенных войн, чтобы довести какую-нибудь страну с развитыми производительными силами и потребностями до необходимости начинать все сначала" (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.) т. 3, с. 54).

В старой норманистской литературе обычно подчеркивался благодетельный характер норманского завоевания или просто утверждения норманнов на верху социальной лестницы. Но в отдельных работах и публицистических сочинениях просматривалось и чисто расистское упоение превосходством силы.

Антинорманисты обычно указывали на отсутствие германизмов в языке, языческих культах, вообще в культуре. Нынешние неонорманисты часто этим аргументам противопоставляют указания на то, что норманны и всюду в Европе не оставили никакого следа. Только это утверждение неверно. Норманны всюду оставили след, и след кровавый, разрушительный. Правильным было бы сказать, что они нигде не играли созидательной роли. А такой вывод будет полезен для сопоставления с тем, что происходило в Восточной Европе. Он, во всяком случае, должен учитываться нынешними приверженцами идеи "норманно-славянского синтеза", пытающимися представить дело таким образом, будто известные всей Европе кровожадные разбойники сразу "размякли", как только увидели созревших для получения государственности славян.

В предисловии и в приложении к первой книге приведен материал об этнической природе руси и ее взаимоотношениях со славянами в разных районах, главным образом в Подунавье. Ниже, в приложении, будут воспроизведены данные источников о руси и варягах IX-XI веков. Здесь же целесообразно остановиться на формах организации главных "действующих лиц" процесса складывания обширного государства на территории Восточной Европы.

Необходимо подчеркнуть, что норманскую теорию нельзя опровергнуть общими соображениями. Исходя из теоретических положений, можно лишь отвергнуть рассуждения о "способных" и "неспособных" к чему-либо народах. А эти рассуждения, вытекая из норманистской концепции, вовсе для нее не обязательны. Не имеет особого значения и спор о роли пришельцев. Если это норманны, то, по аналогии с Западной Европой, ее следовало бы оценить как отрицательную. Но и такая оценка не подрывала бы норманизма. Иными словами, норманизм опирается на самые различные методологические посылки, причем все, принимающие фактическую аргументацию норманистов, неизбежно являются ее приверженцами, как бы далеко они ни расходились в оценке роли и влияния норманнов в Восточной Европе.

Некоторое время назад решающим доводом против норманизма служило убеждение, что все народы из века в век развиваются примерно на одной и той же территории. Теперь этот аргумент помогает скорее норманизму, так как факт многочисленных переселений и перемещений народов очевиден. В Европе не найти ни одной страны, народ которой не включал бы в свой состав выходцев из доброго десятка языков и племен. И в Восточной Европе следует учитывать, когда и с чем пришли сюда те или иные племена и народности. Это, кстати, прояснит, что привнесли германцы, если они что-то привнесли.

О форме организации славянских племен, точнее, племенных союзов в VI - IX веках выше говорилось. По существу, это стройная, созданная снизу, прежде всего в хозяйственно-экономических целях система, в которой высший слой еще не отделился от низовых звеньев. Мы сейчас несколько искусственно заостряем вопрос на том, можно ли эту весьма устойчивую систему назвать государством, или же следует ограничиться более осторожным определением. А говорить стоило бы о возможных альтернативных государственных формах и их эффективности в данных условиях. И в этом плане интересны представления о задачах высшей власти, свойственные людям той давней эпохи.

У автора "Повести временных лет" на первом месте - понятие "земля". "Русская земля". "Деревская земля", позднее также "Новгородская" и "Суздальская земля". Не род, не племя и не князь. Само понятие "племени" в этом случае предполагает тоже не кровнородственное, а территориально-историческое значение, то есть имеет в виду не кровных родственников, а людей, объединенных общей территориальной организацией. В заслугу Владимиру летописец ставит то, что он вместе со старейшинами разделил "о строем землею, и о ратех, и о уставе землею". В гриднице Владимира шли пиры, на которые свободно могли приходиться "бояре и гриди, и соцкие, и десяцкие, и нарочитые мужи, при князе и без князя". Здесь, правда, уже нет простонародья, но представители народа еще есть, и князь заинтересован в привлечении их на свою сторону.

Древний киевский летописец поставил и вопрос о начале княжеской власти в Киеве. Но принципиальное значение придавалось ему лишь потому, что кто-то оспаривал княжеское достоинство Кия и его преемников, как княжеское же достоинство и правителей отдельных земель. Очевидно, сам летописец ставил выше власть, идущую от земли, по сравнению с той, которая ложится на землю извне, будь она "своя" или "чужая".

В сказании о призвании варягов, возникшем явно позднее, над "землями" возвышается внешняя и извне пришедшая власть. По летописи, потребность в ней возникла потому, что, освободившись от варяжской дани, племена словен, кривичей, веси, чуди и мери утонули в усобицах. Поэтому они договорились пригласить в качестве третьей стороны князя извне, "иже бы володел нами и судил по праву".

Достаточно взглянуть на карту, и станет ясно, что экономических потребностей в

объединении обширнейшей территории союзов племен не было ни в IX веке, ни много позднее. Соединение разноязычных территорий могла осуществить только именно внешняя власть. Развитие частной собственности вносило противоречия в племенную организацию, но сломать ее она не могла. Эту организацию не сломает и внешняя власть, хотя она и будет к этому стремиться. Именно на этой российской территории вплоть до XIX века сохранится обычное право, противостоящее государственному законодательству. Это обстоятельство обыграл А. Н. Островский в драме "Горячее сердце": градоначальник обращается к купцам с вопросом, судить ли их "по закону, или по совести", пугая пухлыми томами Полного собрания российских законов. Купцы апеллируют к "совести" не только потому, что "законов у нас много", но и потому, что законы редко считались с действительностью. Общество откупалось от внешней власти взятками, но внутри его продолжали действовать законы, которые нельзя было обойти: законы традиции.

В сказании о призвании появляется и идея "права" на княжение единственного рода. Насаждалась эта идея Мономаховичами, отстоявшими от родоначальника династии Игоря на целых семь поколений. И похоже, что, кроме них, никто и не вел себя от Рюрика. Во всяком случае, в "Слове о полку Игореве" легендарным родоначальником русских князей признается Троян, а главный герой - Игорь Святославич - назван его "внуком", то есть потомком.

Необходимо иметь в виду, что и слово "владение" под пером летописца означало нечто иное, нежели позднейшее феодальное или княжеское владение. В славянском языке не случайно (так же, как в кельтском) одним словом обозначалась и земля, и управление на пей: власть (волость). "Владение" в этом смысле не означало ни господства, ни собственности. Это была форма почетной и доходной, по все-таки обязанности. На практике, конечно, владельцы стремились стать и господами и собственниками. Тем не менее княжеский удел никогда не сливался с государственным владением. Да и в рамках домена собственность князя ограничивалась. Не случайно, что, когда в середине XIX века в канун крестьянской реформы возник вопрос, кому принадлежит земля, ясного ответа на него никто не мог дать.

Как было сказано, экономически целесообразная земская власть не могла простираться на обширные территории. Возвыситься над ними могла лишь власть, так или иначе внешняя. Таковая, естественно, пользовалась противоречиями между отдельными землями-княжениями и, конечно, не забывала напомнить о своих заслугах в поддержании "порядка", а также в организации обороны или же походов па внешнего врага. На юге таким племенем-объединителем оказались поляне-русь.

Дунайские воспоминания древнейшего киевского летописца относятся к эпохе великого переселения. Но восстановить ход событий с VI по IX век в Поднепровье в настоящее время не представляется возможным. Можно лишь предполагать, что здесь сосуществовали еще не слившиеся собственно славянские и русские племена вместе с остатками какого-то иного местного и пришлого населения. Кое-что летописец прояснил, сам того не подозревая. Ему очень хотелось приподнять достоинство полян, обосновать их право на первенство в славянских княжениях, а показал он то, что поляне сохраняли еще черты, характерные для многих племен эпохи переселений.

Существеннейшие отличия от остальных славян поляне сохранили в двух наиболее стойких традиционных сферах: в формах семьи и в погребальном обряде. У всех славян было трупосожжение. Поляне выделялись трупоположениями, и это сообщение летописца подтверждается археологическим материалом. У славян при сохранении многоженства преобладала малая семья. И это тоже подтверждается археологическими данными: размеры полуземлянок (10-20 квадратных метров) могли вместить только малую семью. "Большие дома" черняховской культуры (II-IV вв.) обычно достигали сотни и более квадратных метров. Летописец особое значение придавал форме брака, отметив, что у славян вообще "брака не было", а было умыкание во время игрищ между селами по договоренности с невестой ("с нею же кто совещашеся"). Браком в данном случае обозначается своеобразная коммерческая сделка, покупка жены. У полян сохранилась даже такая специфическая особенность, распространенная у племен эпохи великого переселения, как "утренний дар"

жениха молодой супруге после первой брачной ночи.

Летописец специально остановился на том, что молодежь древлян и других славянских племен не почитает старших, родителей. Сами молодые решают и устраивают свои семейные дела. Такое положение естественно, когда основной ячейкой является малая семья, а община строится по территориальному, а не кровнородственному принципу. У полян положение другое. Здесь молодежь в подчинении у старших, которые заключают и браки, причем молодую обязательно приводят в дом родителей жениха. "Большая семья" - обычно наследие кровнородственной общины. Судя по данным, относящимся к Центральной Европе, руги-русы всюду долго сохраняли ту форму общежития, которая была ранее характерна для готов, лангобардов и некоторых других племен. За основу здесь принималась не земля, не территория, а родственная группа, которая легко могла сменить место проживания. Но поскольку группы эти были сравнительно малочисленными, они так или иначе должны были включаться в местную территориальную структуру. Киевский летописец, прославляя полян, уже и не замечает, что "большая семья" менее гармонирует с территориальным принципом организации общества, нежели семья "малая".

Как отмечалось ранее, руги-русы обычно всюду отличались известными претензиями на особое положение, кичились древностью рода, знатностью происхождения. С какими-то притязаниями выступал и "род русский" в Поднепровье. Но суть их летописец нам не разъяснил, да он и не отделял русь от славян по языку и происхождению.

Киевский летописец, как было сказано, не слишком жаловал княжескую власть. Для него она была лишь вершиной земского устройства, а о ее наследственном характере он говорит лишь потому, что кто-то оспаривал права местной киевской династии. Вообще это очень существенно, что киевские князья не могут даже и похвалиться древностью своего рода: не перед кем. Может быть, сказывается и другое: в VIII-IX веках по днепровские племена, по летописи, платили хазарам дань, а освобождение от этой дани пришло извне, со стороны варягов-руси. Между тем в Западной Европе, где титулованию придавалось особенно большое значение, русские князья неизменно называются "королями", тогда как, скажем, польские князья лишь "герцогами". Адам Бременский и Гельмольд специально отмечают, что у западных славян "королей" имеют только руяне (русы) с острова Рюген. Королевское достоинство всех русских князей уходит, следовательно, в уже забытую древность, видимо, в ту пору, когда дунайские руги получили статут федеративного по отношению к Риму королевства.

По договорам 911 и 945 годов видно, что главными занятиями "рода русского" были война и торговля. В договоре Игоря названо 25 послов от княжеской семьи и бояр, причем от каждого индивидуально, и еще 26 послов-купцов, представляющих, видимо, остальных русов - торговцев и ремесленников. Многочисленное посольство в данном случае свидетельствует о противоречиях в корпорации, претендующей на первенствующее положение, о слабости самой княжеской власти, а также о господстве в рамках корпорации частной собственности. В сущности, у этого рода не было никакой общей собственности, если не считать притязаний на обладание славянскими землями по пути "из варяг в греки", что в X веке означало сбор дани и замену в некоторых случаях местных княжеских династий сыновьями киевского князя.

"Род русский", известный по договорам, в большинстве, видимо, состоял из пришельцев с севера, хотя в числе дружинников и купцов было много носителей имен, характерных для Иллирии и Подунавья, а в княжеской династии преобладали славянские имена. Но пришельцы с севера вопреки мнению норманистов не только сами не были шведами, но даже и в состав дружины их еще практически не включали. Ведь даже после принятия христианства, до конца XI века, у шведов господствовало многоженство, тогда как у полян-руси была моногамия. Не было у шведов и наследственной королевской власти. Иван Грозный даже в XVI веке упрекал шведского правителя Юхана III в том, что он некоролевского рода и что в Швеции вообще никогда не было королей, а потому якобы и не могла шведская сторона претендовать на равный с московским царем дипломатический

этикет.

Разумеется, из того, что шведские конунги вплоть до XIV века избирались племенными собраниями, никак не может следовать вывод, подобный тому, что сделал Иван Грозный. Как раз такая система признак не "отсталости", а целесообразности. Она эффективна практически во все времена. Именно такая система помогла Скандинавии очиститься от викингов и избежать крепостного права. Но это явно не та система, что характеризовала русов на любой занимаемой ими территории.

С точки зрения хозяйственных потребностей, привесок в виде "рода русского" был совершенно излишним, паразитарным на органичном теле славянских княжений. Тем не менее объединение оказалось достаточно прочным. И объясняется это тем, что взяли на себя русы столь важную вообще в эпоху становления государственности и особенно важную на границе степи и лесостепи внешнюю функцию. Показательно, что дань с племен нигде не превышала той, что ранее платили хазарам, в ряде случаев она вообще была номинальной, а обязанность защиты подвластных племен князь и дружина на себя все-таки принимали. Естественно, не обходилось и без конфликтов. По вине Игоря из Поднепровья ушли племена уличей, сам князь пал жертвой собственной жадности в результате восстания древлян. Каждому очередному князю приходилось заново подчинять ранее вроде бы покоренные племена. И именно в ходе этой борьбы в конечном счете определялась форма взаимодействия "земли" и извне пришедшей высшей власти. Существование такой власти признавалось и оправдывалось лишь постольку, поскольку сама власть оказывалась способной поддерживать соответствующее представление о ней. Рассказывая о больших походах Олега, Святослава, летописец не забывает отметить, что добыча делилась между всеми землями, поставившими войско для походов.

Необходимо иметь в виду, что неизбежные конфликты между "родом русским" и собственно славянским населением, по крайней мере, в X веке не несли межэтнического антагонизма. Русы ощущали себя аристократическим, но славянским же родом. Не случайно, что славянские имена-тителы распространяются прежде всего в княжеской семье, а договоры писались на славянском языке (предположительно с помощью глаголического, "русского" письма). Естественно, что шло и обычное в таких случаях "размывание" рода в результате брачных контактов, включения в его состав иноплеменных дружинников и, главным образом, за счет стирания различий в культурной сфере, прежде всего в верованиях. Но при этом киевские русы все-таки не забывали о своих сородичах где-то в Подунавье, в Центральной Европе, может быть, и в Прибалтике. О такого рода контактах можно судить, в частности, по приложению, приведенному в первой книге. Правда, и во всех других районах, где оседали группы ругов-русов, преобладала славянская речь, и центральноевропейские рутены также обычно рассматриваются в источниках как особая ветвь славян.

В традиционном норманизме этнонимы "русь" и "варяги" воспринимались как равнозначные, а потому скандинавское происхождение варягов доказывалось обычно материалами, относящимися к руси. Большинство советских ученых считает русь южным, причерноморским (хотя и неславянским) племенем, варягов же в согласии с норманистами признает за шведов. Между тем, если о неславянстве русов говорят многие источники, то в отношении варягов IX-X веков таких материалов вообще нет. Норманизм держится на том, что послы от "кагана росов" в Германии в 839 году вроде бы оказались "свеонами", что в 844 году на Севилью напали русы, пришедшие откуда-то с севера, что Константин Багрянородный в середине X века называет днепровские пороги славянскими и "русскими" именами, что хронист Лиутпранд в X веке отождествляет "русов" с нордманнами и что сами имена "рода русского" в договорах - неславянские. Но ведь это все именно русы, а не варяги. Варяги же могут рассматриваться в этом контексте лишь в той мере, в какой они русы, в какой оправданно их отождествление.

Ниже в приложении о варягах еще будет речь. Здесь же попробуем рассмотреть, какую форму социально-политической организации они с собой несли.

Совершенно очевидно, что именем "варяги" в разных случаях покрываются разные

этноты. "Варяги-русь" - это, по всей вероятности, действительно русы - русы балтийские, родственные дунайским, поднепровским и прочим. Так могли называть и обитателей Рюгена, и группы русов-ругов, рассеянных по восточному побережью Балтики. Может быть, особое внимание должна привлечь Роталия (Западная Эстония), поскольку в русском именослове много имен явно чудского, эстонского происхождения, а такие имена, как "Игорь", "Игельд", "Иггивлад", могут прямо сопоставляться с "иговским языком", особо выделяемым Курбским еще в XVI столетии на территории Эстонии. Эстония занимает особое место и во всех сагах, где речь заходит о Руси, в частности в сагах об Олафе Трюгвасоне.

Вместе с тем киевский летописец имеет в виду нечто иное, когда говорит о варягах. В самом раннем упоминании варягов - именно свидетельстве летописца времени Владимира - они живут на восток от чуди (эстов) до "предела Симова", под которым разумелась Волжская Болгария. Это были как раз те земли, на которых утвердились варяги, пришедшие с Рюриком. Самых новгородцев и южные и северные летописцы выводили "от рода варяжска". Западные пределы расселения варягов киевский летописец ограничивает, с одной стороны, польским Поморьем (Поморье принадлежало Польше в конце X века) и с другой - территорией Дании, называемой в Повести временных лет "землей агнян", то есть англо-германского племени, занимавшего южную часть Ютландского полуострова. Соседями англо-германцев на южном берегу Балтики были "варины", "вары", "ваары", "вагры" - племя, принадлежавшее к вандалской группе и к IX веку ославянившееся. В генеалогии саксонского рода Веттинов, составленной в XIII веке, в связи с событиями конца X - начала XI века упоминаются два маркграфа, управлявших "маркой Верингов". Так называлась именно область обитания варинов.

Тождество "варягов" с "варинами" с языковой точки зрения очевидно. У этнонимов один и тот же корень, а различия в этнообразующих суффиксах обычны для всей этой территории; в кельто-романских языках этноним должен звучать как "варины", в германских - "вэринги", у балтийских славян "варанги", у восточных - "варяги". Достаточно очевидно и значение этнонима. В немецкой литературе давно принята этимология племенного названия "варины" от старого индоевропейского "вар" - море, вода. В сущности, это одно из основных обозначений воды в индоевропейских языках, вариантами которого являются также "мар" или "нар" ("варангов" - варягов в Византии иногда звали также "марангами"). И только заведомо тенденциозное желание перенести "вэрингов" в Скандинавию побуждало искать для них какую-то иную этимологию.

Варяги, следовательно, - это просто поморяне. Поэтому название это всегда распространялось на разные морские народы, и только на морские.

Каждой эпохе свойственно смотреть на предшествующие свысока. Сколько раз летописцам приходилось подвергаться критике и поучениям со стороны не слишком благодарных потомков! Почему это варяги, построив новый город, называют его "Новгород"? Почему они дают название "Белоозеро" городу, воздвигнутому на территории, куда еще и славяне-то не проникали? Почему Изборск, Плесков-Псков - и ни одного "хольма", "бурга", "штадта"? А во времена, когда писал летописец, просто еще и не было этой проблемы. Он рассказал, что приходили варяги "из-за моря", а язык их был понятен и киевлянам. В XVIII веке летописца начнут журить за наивность и простоту. И XVIII век покажет, что даже не слишком многочисленного иноземного слоя в высших эшелонах власти достаточно, чтобы на тех же территориях место "градов" заняли "бурги".

Сейчас главным прибежищем норманизма является археология. Но и интерпретация археологических данных оказывается подчас полярной. Известный ленинградский археолог Г. С. Лебедев в ряде работ готов был увязать с норманнами чуть ли не все погребения киевской знати X века. А в другой работе он признает, что к скандинавским может быть отнесено лишь одно погребение из 146. Почему-то до сих пор многие археологи просто закрывают глаза на известные археологические факты. Так, по всему северу Руси распространена специфическая фельдбергерская керамика, характерная для балтийских славян VIII - X веков. На посаде города Пскова она составляет в соответствующих слоях

свыше 80 процентов. Много ее в Новгороде и других городах, доходит она до Верхней Волги и Гнездова на Днепре, то есть до тех областей, где киевский летописец помещал варягов. А в Киеве ее нет вовсе. И с такого вот рода фактами, видимо, и связано противопоставление "варягов" и "руси", прослеживающееся в ряде летописных текстов.

Влияние Балтийского Поморья сказалось даже на антропологическом облике населения Северной Руси. Проанализировав материалы, относящиеся к X-XIV векам, известный специалист В. В. Седов установил, что "ближайшие аналогии ранне средневековым черепам новгородцев обнаруживаются среди краниологических серий, происходящих из славянских могильников Нижней Вислы и Одера. Таковы, в частности, славянские черепа из могильников Мекленбурга, принадлежащие ободритам". То же население достигало и Ярославского и Костромского Поволжья, то есть того района, к которому всегда привлечено особое внимание норманистов.

Даже и в наше время сохраняются островки, где живут непосредственные потомки тех давних переселенцев. Так, обследовав недавно население Псковского обозерья (западное побережье Псковского озера), антропологи Ю. Д. Беневоленская и Г. М. Давыдова обнаружили группу, принадлежащую к "западнобалтийскому типу", который наиболее распространен у населения южного побережья Балтийского моря и островов от Шлезвиг-Гольштейна до Советской Прибалтики".

Колонизационный поток с южного побережья Балтики на восток должен был начаться с конца VIII века, когда Франкское государство, сломив сопротивление саксов, стало наступать на земли балтийских славян и остатки давнего местного населения. В этом же направлении отступает и часть фризских (из области нынешних Нидерландов), особенно после крупного поражения от датчан в битве при Бравалле в 786 году. Распространение здесь христианства все более стирает этнические различия, но углубляет религиозные и социальные. Опорные же пункты язычества оказываются на южном берегу Балтики.

Сама Скандинавия также оказалась на пути колонизационного потока, идущего с запада на восток. В Скандинавии долго сохранялись славянские поселения. В поток этот неизбежно вовлекались и собственно скандинавы, не говоря уже о вооружении в предметах быта, которые можно было и купить, и выменять, и отнять силой на любом берегу Балтийского моря. Необходимо только иметь в виду, что в IX-X веках уровень материальной культуры на южном берегу Балтики был едва ли не самым высоким в Западной Европе, а варяги еще в VI веке славились изготовлением мечей, которые привозились на продажу в Италию.

В сказании о призвании варягов особенно подчеркивалась знатность рода Рюрика, хотя никаких доказательств в пользу этого не приводилось. В некоторых средневековых генеалогиях Рюрика с братьями выводили из рода ободритских князей (их считали сыновьями Годлава, убитого датчанами в 808 году), а тех, в свою очередь, привязывали к венедео-герульской генеалогии, по древности уступавшей только датской. Других альтернативных генеалогий для Рюрика нет, если не считать откровенно фантастическую легенду о родстве его с римскими Августами (кстати, и в этом случае его выводили с южного берега Балтики). Но летописцы, настаивавшие на приоритете Рюрика перед другими династиями, видимо, и не могли ни на что реальное опереться, так как на севере княжеская власть явно имела меньшее значение, нежели на юге, в Киеве. Варяги привносили с собой вовсе не монархическую систему, а что-то вроде афинского полиса. Древнейшие города севера, включая Поволжье, управлялись примерно так же, как и города балтийских славян. Кончанская система Новгорода близка аналогичному территориальному делению Штеттина. Даже необычно важную роль архиепископа Новгорода мы поймем лишь в сравнении с той ролью, которую играли жрецы в жизни балтийских славян, по крайней мере, некоторых из них. И не случайно, что позднее, когда княжеская власть будет осваивать Волжско-Окское междуречье, в противовес старым "боярским" городам будут воздвигаться новые, княжеские, а в самой новгородской земле княжеской власти так и не удастся утвердиться.

Варяжский тип социально-политического устройства - это в конечном счете тот же

славянский (во всяком случае, более славянский, чем собственно русский), основанный полностью на территориальном принципе, на вечевых традициях и совершенно не предусматривающий возможность централизации. Отличительной особенностью этого типа является большая роль города вообще и торгово-ремесленного сословия в частности. Именно высокий уровень материальной культуры и отлаженность общественного управления обеспечили преобладание переселенцев на обширных пространствах севера Руси, а также быструю ассимиляцию местного неславянского населения.

Таким образом, в принципе правы те, кто считает, что государственность на Руси сложилась ранее вокняжения Рюриковичей или каких-то иных династий. Только естественная государственность в эту эпоху не могла простираться на необозримых пространствах. Соединить их могла лишь какая-то внешняя сила, внешняя для большинства областей. Да и при этом условии единство могло сохраняться лишь при определенной взаимной заинтересованности. Скажем, освобождение от хазарской дани могло создать внешней власти необходимый авторитет, а невысокие размеры дани поначалу окупались выгодами относительной безопасности и вовлечением в международную торговлю, а также в дальние походы. Внешней силой в IX-X веках является "род русский", видимо соединивший выходцев из Поднепровья, Подунавья и Прибалтики. Варяги и отчасти фризы, включившиеся в колонизационный поток с конца VIII века, могли пополнить княжеские дружины, но самостоятельной роли все-таки не играли, а на севере Руси именно они повлияли на создание полисной системы, не принимающей централизации.

* * *

Древнерусская государственность остается в центре внимания Валентина Иванова во всех книгах трилогии. Художественный взгляд становится средством проверки социологических схем. В "Повестях древних лет" сопоставлены быт и нравы славян, варягов и норманнов. Вывод вполне определен: следов норманнского воздействия нет, славяне же и варяги - лишь формы одного типа организации. Позднее, в книге "Русь Великая", будут сопоставлены общественно-политические системы Руси и Западной Европы. Не все автору удастся убедительно объяснить. Но он укажет на важные и глубокие отличия: неизмеримо большую роль насилия на Западе при возникновении государств, насилия, в значительной степени привносимого теми же норманнами.

Древнерусское государство начиналось с Поднепровья, которому и посвящен публикуемый роман В. Иванова "Русь изначальная". Автор не все решил для себя и не собирается это скрывать. Принимая концепцию происхождения племени русь от названия реки Роси, он упоминает также русов из Приильменя, поморских русов, не определяя их взаимоотношений. Упомянет он и далекую балтийскую Аркону, хотя места для нее в узорчатой ткани романа не найдется. Автор порой как бы прерывает рассказ о своих героях и приглашает читателя подумать вместе над неясными фактами и сложнейшими процессами. И как собеседник-мыслитель он не менее интересен, чем художник, стремящийся силой воображения представить эпоху, отстоящую от нас почти на полторы тысячи лет.

Скудость источников всегда порождает обилие концепций, в которых нередко пропадают и сами источники. Художественный взгляд - это также и концепция, в которой редкие источники часто подчинены раскрытию важнейших глобальных идей, до которых от самого источника никогда не подняться. Поэтому если, скажем, в романе главным внешним агрессивным неприятелем русичей являются хазары, а не иные племена, лишь позднее вошедшие в состав хазарского объединения, то это не небрежность автора, а сознательное упрощение, освобождение внимания от необходимости разбираться в перепутанном клубке из десятков племен со сходным образом жизни и, видимо, разными языками. Основная проблема здесь - взаимоотношения Леса и Степи. Много тысячелетий шла здесь борьба между оседлым земледельческим и кочевым населением. Огромный труд вкладывали славяне или их ближайшие предшественники, создавая па сотни верст валы - так называемые Змиевы или Трояновы валы.

Сейчас часто говорят, что на события надо смотреть не только со стороны Леса, но и со

стороны Степи. Это, конечно, правильно. И писатель это учитывает. И в публикуемом романе, и особенно в книге "Русь Великая", он много говорит о хозяйстве, быте, психологии жителя степей. Никто непосредственно и не виноват в трагических столкновениях, уносивших многие тысячи жизней с той и другой стороны. "Прав обороняющий свое поле". Этой формулой определяется, так сказать, этический аспект. С точки же зрения исторической перспективы, культура земледельцев практически всегда была выше, эффективней кочевничьей. Разрушение высокоорганизованных земледельческих культур кочевыми племенами - одна из главных причин резких перепадов в уровне развития населения лесостепной полосы.

Могучие Змиевы валы - труд десятков тысяч людей ряда поколений бесспорное свидетельство высочайшей организации общества, вынужденной внешними обстоятельствами. Не удивительно поэтому, что именно во внешнем факторе ищет писатель объяснения выделению "внешней" власти у славян Поднепровья и VI веке. Он как бы "уплотняет процесс обособления власти, относя к жизни одного поколения то, что продолжалось столетиями. И это, конечно, сделано для наглядности. Да и речь в романе идет не столько об обособлении власти, сколько о выделении дружины, как особого слоя, в итоге приходящего в столкновение с собственно племенными органами управления.

Некоторое противоречие у автора ощущается я в описании характера управления отдельных племен. Дело в том, что автор признает территориальный принцип деления. Россичи у него состоят на одну треть из потомков скифов (что, кстати, признают и многие историки). Территориальный принцип положен в названия и других племен (каничи, илвичи и пр.). Первичной же ячейкой племени оказывается не соседская община, а род. В итоге устаревшими у россичей предстают такие формы, которых и не должно быть при территориальной организации общества. Но конфликт между местными, каждодневными интересами и общими, значимость которых осознается лишь периодически, автором подмечен достоверно.

С большой силой и проникновением в суть поставлена писателем проблема соотношения Власти и Народа. "Внешняя" власть всегда содержит в себе негативные потенции, которые распускаются нездоровым цветом, едва ослабляются сдерживающие факторы. У славян власть только начала отделяться, в Византии - давно противостоит обществу.

В романе Византии отведено больше страниц, чем Руси. Сдерживало принятое представление о маленьком пятачке у реки Рось, где масштабных внутренних проблем не найти. Но многое шло и от замысла. Куда бы ни заносило героев романа бурное шестое столетие, сколь бы глубоко ни уходил автор в хитросплетения византийских политиканов, за ними всегда оставалась Русь, причем не только VI века, но и более поздних эпох.

Русь издавна была связана с Византией, и извечно отношение к ней было неоднозначное. В XIX веке были приверженцы Византии, считавшие, что от нее идет все лучшее на Руси. Отстаивались и противоположные мнения. В споре со славянофилами Герцен назвал славян "варварами по своей молодости", а греков - "варварами по своей дряхлости". Византия в его представлении это "Рим времен упадка, Рим без славных воспоминаний, без угрызений совести". И причину этого он видел в том, что общественный строй империи "основывался на неограниченной власти, на безропотном послушании, на полном поглощении личности государством, а государства - императором". В свою очередь, Г. В. Плеханов именно в "византинизме" усматривал худшие черты русского самодержавия. У Энгельса же мы найдем общую оценку столкновения варварского мира со старой цивилизацией: "...Только варвары способны были омолодить дряхлый мир гибнущей цивилизации" (Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 21, с. 155). "Омоложение" несла с собой община. Местами она напрочь разрушала издавна существовавшие здесь крепостнические отношения. Именно заселение славянами Балканского полуострова, так путавшее византийских авторов VI-VII столетий, на несколько столетий отсрочило падение Восточного Рима.

Валентин Иванов приходит к сходным выводам, следуя свойственным художнику путем. Его внимание сосредоточивается, в частности, на структуре власти у варваров и в Византии. Стремление понять власть изнутри, психологически, существенно обогащает и понимание ее социальной природы. У варваров власти обычно выбирались для решения каких-то общественных дел. На востоке же власть столетиями, а то и тысячелетиями отождествлялась с господством. Как господство предстает она в Ветхом завете, и христианство принимает формулу "всякая власть от бога", стремясь примирить подданных с заведомо негодным управлением. Не только государства, народы гибли от дурного правления, как это случилось, по мнению Валентина Иванова, с персами. Вообще "люди связаны совестью, империи - насилием", - обобщит наблюдения автор в последней книге трилогии.

С большой художественной силой изображен писателем византийский деспотизм. И, читая эти страницы, невольно сопоставляешь их с другими, написанными более чем за столетие до этого. Речь идет о той же работе "К критике гегелевской философии права", где вскрывается суть монархическо-бюрократического государства, в котором господствующий класс выдает свой частный интерес за всеобщий, а бюрократия - корпоративные интересы за государственные. "Бюрократы - иезуиты государства и его теологи", - концентрирует мысль Маркс. "Бюрократия, - раскрывает он ее далее, - считает самое себя конечной целью государства... Государственные задачи превращаются и канцелярские задачи, или канцелярские задачи в государственные. Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить. Ее иерархия есть и е р а р х и я з н а н и я. Верхи полагаются на низшие круги во всем, что касается знания частных дел, низшие же круги доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение.

Бюрократия есть мнимое государство наряду с реальным государством... Всеобщий дух бюрократии есть т а й н а, таинство. Соблюдение этого таинства обеспечивается в ее собственной среде ее иерархической организацией, а по отношению к внешнему миру - ее замкнутым, корпоративным характером. Открытый дух государства, а также и государственное мышление представляется поэтому п р е д а т е л ь с т в о м по отношению к ее тайне. А в т о р и т е т есть поэтому принцип ее знания, и боготворение авторитета есть ее о б р а з м ы с л е й" (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 271-272).

В романе "Русь изначальная" противопоставлены две государственности: молодая, еще не изъеденная бюрократией, вырастающая из потребностей общества, и старая, впитавшая всю изуверскую мудрость восточных деспотий, в рамках которых властвование и подавление было целью и смыслом существования всей государственной машины.

На примере Византии Валентин Иванов показывает, как создается "голубой интернационал". Некогда Рим стремился обезглавить варварские племена, дабы таким образом ослабить врагов римского народа. Теперь Константинополь делает побежденных и поверженных варварских вождей своими патрициями, подчиняя таким образом и варваров машине власти. И руководствовались цезари ничуть не христианскими заповедями любви к ближнему. "Ближнего" они как раз не любили и боялись. "Хозяин кормит собак, дабы укрощать непослушное стадо. Для охраны империи нужны воины чуждой подданым крови", - выносит автор изречение древних эпитафией к одной из глав. Вновь и вновь подтверждается закономерность: власть, оторвавшаяся от своего народа, более всего его-то и боится.

Пока на Руси этого нет. Но писатель заглядывает за горизонт. Грек Малх, ставший россиянином, с тревогой думает о том, что Русь со временем может повторить порочный путь: народы плохо учатся и на своих ошибках, а на чужих - тем более. Письма В. Иванова проясняют, что он имел в виду: он бросал взгляд в XVI век, в мрачный омут опричнины. Позднее, в годы бироновщины, Измайловский полк будет в точности повторять приемы византийских императоров: в нем не будет не только русских офицеров, но даже и русских солдат. Правительство уже не скрывало своей антинародной и антигосударственной сути.

Принадлежность к "голубому интернационалу" оборачивалась прямым предательством по отношению к собственной стране.

Малх думал о том, как бы все это можно было предотвратить. Он не знал как, и это его беспокоило. Беспокоило это и автора. В следующей книге "Русь Великая" - он перенесется через полтысячелетия в XI век. Русь пока на подъеме во всех отношениях, и опять потому, что народ еще участвует в управлении, не позволяет власти слишком обособиться. Перелом наступит позднее. Татаро-монгольское иго более двух столетий давило народную самостоятельность, часто уничтожая и хранителей традиций. Борьба за освобождение от ига укрепит авторитет великокняжеской власти и позволит ей встать над народом.

Время от времени "земля" еще заявляла о себе. В Смутное время начала XVII века она восстановит снизу развалившееся из-за пороков "верхов" государство. А отремонтированная машина отблагодарит "землю" введением крепостного права, все более освобождая общину от прав и нагружая ее всевозможными обязанностями. В XVIII веке разрыв станет непереходимым. Свояк Петра I, известный дипломат Б. И. Куракин, сокрушался: высший правящий слой поразила коррупция, и никакая перспектива на улучшение уже не просматривалась. А в России повторялось именно то, что уже бывало ранее, что было, в частности, в Византии VI века. Оторвавшаяся от народа власть служит лишь "мнимому" государству, спекулирует на идее "общего блага", занимаясь вымогательством всюду, где только возможно. "Земля" же откупается взятками, в никакие иные отношения между занятой делом "землей" и паразитирующей на теле государства внешней властью невозможны.

Кризис крепостнического строя - это, между прочим, и, результат полного "торжества" внешней власти и связанного с ней господствующего класса, живущих уже по принципу: "После нас хоть потоп". А прижатая к самой земле, задавленная община теперь уже не способна что-нибудь противопоставить мощному репрессивному аппарату власти. Она теперь лишь усугубляла положение своих членов. Освобождение принесут новые социальные слои, объединенные новыми формами организации.

Доктор исторических наук, профессор
А. Г. Кузьмин